

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ НАРАСТАНИЯ НЕНАСИЛЬСТВЕННОЙ БОРЬБЫ В КОНЦЕ XX ВЕКА

Сегодня, несомненно, что в последние годы XX века произошел решительный рост масштабов и значимости ненасильственной борьбы. Развитие ненасильственной борьбы между 1986 и 1989 гг. было особенно драматичным на Филиппинах, в Бирме, Китае, Чили, Панаме, Югославии, Восточной Германии, Венгрии, Мексике, Южной Корее, Польше, Южной Африке, Советском Союзе, а также на Западном берегу р.Иордан и в секторе Газа. Этот рост случаев ненасильственной борьбы имеет очевидную значимость. В зависимости от различных факторов это развитие событий может привести к глубоким изменениям не только в политических событиях грядущих лет, но и в ходе современной истории как таковой.

Природа ненасильственной борьбы

Ненасильственная борьба, называемая также ненасильственным действием, является распространенным приемом действия. Обычная война, партизанская война и парламентская демократия служат другими сравнимыми приемами. Ненасильственное действие включает в себя протест, гражданское неповиновение и вмешательство без физического насилия. Люди, применяющие этот прием, либо отказываются делать то, чего от них ожидают или требуют, либо настаивают на выполнении того, чего обычно они не делают или что запрещено. Классы специфических методов, или форм, действия следующие: ненасильственный протест или убеждение /состоящий из символического типа действий, таких как бодрствование, марши и выставление флагов/; гражданское неповиновение /включая социальные бойкоты, экономические бойкоты, трудовые забастовки и многие виды политического неповиновения/; и ненасильственное вмешательство /включая сидячие забастовки, голодовки и создание параллельных правительств/.

Ненасильственная борьба функционирует путем мобили-

зации потенциала людей и институтов, чтобы дать и тем, и другим возможность усилить свою реальную возможность реализации власти за пределами предшествовавшего уровня и чтобы ограничить или отсечь источники власти, на которые полагаются оппоненты /такие как полномочие или законность, человеческие ресурсы, квалификация и знания, нематериальные факторы, делающие свой вклад в поддержку или повиновение, материальные ресурсы, санкции/.

Можно ожидать репрессии. Однако эта репрессия не только часто оказывается неэффективной для прекращения ненасильственной борьбы, но может, своим контрастом с ненасильственным поведением защищающихся, привести к существенному отчуждению различных групп; таким образом, в результате это приводит к ослаблению оппонентов и к усилению группы, борющейся ненасильственными методами. Этот процесс называется "политическим джиу-джитсу": сила оппонентов часто возвращается рикошетом против их собственных позиций.

Развитие и применение мудрой стратегии ненасильственного действия очень важны. Когда такая борьба достигает успеха, это происходит благодаря одному из следующих четырех механизмов /или их комбинации/: конверсия /изменение мнений или убеждений оппонента/; аккомодация /принятие компромисса для достижения части своих целей/; ненасильственное принуждение /вынуждение оппонента выполнить требования/; или дезинтеграция /приведение системы или правительства оппонентов к полному распаду/².

Ненасильственная борьба — это очень сложный прием, с долгой историей, идущей назад по крайней мере на много веков. Она коренится не в альтруизме, не в отказе от применения насильственных методов в этике или религии, не в более высоком моральном развитии, а, напротив, в повсеместной человеческой способности к упрямству. Не требуется ни трансформации "человеческой природы", ни личной трансформации, ни исходной социальной революции и ни обращения в другую религиозную веру. Действительно идентификация этого приема с подобными усилиями служат ограничению принятия к исполь-

зованию ненасильственного действия вместо насилия для подавляющего большинства людей, которые не ориентируются в этих направлениях. Напротив, когда этот тип действия понимается как существующий прием, осуществляемый понимаемыми процессами, способными произвести результаты более успешно и продуктивно, чем насилие, то у него есть потенциал для широкого принятия в тех ситуациях, в которых в противном случае людям и институтам придется обратиться к насилию.

Точки зрения и практика ненасильственной борьбы в последние десятилетия

Не далее как в 1980 г. большинство людей и подумать не могло о том, что ненасильственная борьба – или "народная мощь" – в рамках десятилетия получит широкое признание как основная сила в определении политического курса во всем мире.

Всякий раз в предшествовавшие десятилетия двадцатого века, когда осуществлялось бесспорно важное применение ненасильственного сопротивления или противодействия, об этом забывали, как о не имеющем более широкого значения. Всегда эти явления считались социально или культурно уникальными, мало подходящими для других случаев острого конфликта или для противостояния политическому или экономическому угнетению. В ненасильственной борьбе редко видели альтернативу все более кровавым и разрушительным войнам и другим проявлениям политического насилия.

Часто думали, что отдельные случаи ненасильственного действия произошли, например, благодаря уникальным историческим обстоятельствам, к примеру, ненасильственная борьба за независимость в Индии. Или замечательные события объяснялись решающим влиянием присутствия экстраординарного, обычно религиозного, боговдохновенного лидера /как Ганди или Кинг/. Иногда ненасильственное сопротивление или восстание преуменьшались по значению как просто интересные предшествующие или побочные события по отношению к "реальному" действию – под которым, конечно, подразумевалось на-

силие в форме войны, насильственного восстания, партизанской борьбы или военного переворота. Иногда, несмотря на природу событий как таковых, их не идентифицировали с ненасильственной борьбой. Именно это происходит, когда небольшое количество насилия сопровождает ненасильственную борьбу; таким образом, игнорируются ненасильственные элементы, что именно и происходит в наши дни в отношении борьбы палестинского народа на Западном Берегу р.Иордан и в районе Газы. Иногда ненасильственная борьба полностью игнорировалась, даже когда результат достигался почти исключительно ненасильственными методами. В других случаях значительные ненасильственные действия сводились в объяснениях на нет, так как они происходили внутри конституционных демократий /с игнорированием репрессивных качеств, скрываемых внутри них/. Даже случаи, где оппонентами были грубые диктатуры, оставались неизвестными или преуменьшенными. В других примерах ненасильственная борьба, обеспечившая достижение результатов, за которые шла борьба, отвергались как "провал", потому что эти результаты не привели к полному успеху /критерий, редко применяемый к случаям насильственных конфликтов/. Даже полный успех в достижении строго определенных целей считался провалом, потому что это не приводило к образованию свободного от проблем общества с перманентной и полной свободой, справедливостью и миром. К случаям ненасильственных действий применялись бесконечно более высокие стандарты, чем к большинству случаев насилия, имея в виду политические цели.

Таким образом, большинство людей, ученых и политических деятелей отвергали как преимущественно непригодные большинство или все основные случаи ненасильственной борьбы двадцатого века — но до недавнего времени. Эти случаи включают в себя Русскую революцию 1905 г. и Февральскую революцию 1917 г.; рост забастовок рабочих для достижения лучших условий труда и жизни, также как и политических целей, во многих странах; несколько ненасильственных кампаний в движении Индии за независимость; ненасильственное со-

противление для защиты против государственного переворота в Германии в 1920 г. и во Франции в 1961 г., и против иностранных вторжений в Куре в Германии в 1923 г. и в Чехословакии в 1968-1969 гг.; ненасильственное сопротивление оккупации нацистов, фашистскому правлению и резне в различных странах во время Второй мировой войны; забастовки в Воркуте и других лагерях заключенных в Советском Союзе в 1953 г.; свержение военных диктаторов в Сальвадоре и Гватемале в 1944 г., а также другие случаи борьбы в Латинской Америке; ненасильственное сопротивление прямому европейскому правлению в Гане, Нигерии и других местах Африки; американское движение за гражданские права в 1950-х и 1960-х гг.; и такие случаи борьбы в Арабском мире, как ненасильственное сопротивление в Египте британскому правлению в 1919-1920 гг.; ненасильственные восстания в Судане против диктатуры в 1964 и в 1985 гг., а также нефтяное эмбарго в 1973 г. Было и много других соответствующих случаев такой борьбы.

Простое перечисление этих отдельных случаев показывает, что с самого начала двадцатого века имело место большое число значительных и порой исторически решающих случаев ненасильственной борьбы.

Развитие событий в конце двадцатого века

Оценка исторических тенденций в применении ненасильственных действий является чрезвычайно трудной задачей, потому что мы не имеем, даже для отдельных стран, и еще менее для целого мира, ничего, приближающегося к полному историческому обзору практики применения этих форм борьбы. Крупнейшей задачей, решением которой займутся многие ученые станет подготовка такого международного обзора за одно только двадцатое столетие, но она стоит таких усилий.

Тем не менее, некоторые хорошо информированные ученые, занимающиеся проблемами ненасильственной борьбы, считают, что этот прием применялся в конце двадцатого века в гораздо больших масштабах, чем в предшествовавшие десятилетия.

Без сомнения, некоторые из подобных мнений можно отвергнуть, объяснив их недостаточной осведомленностью о случаях борьбы в ранние десятилетия из-за ограниченности исторических работ, неполного представления данных, и благодаря тому факту, что мы сами не жили в те десятилетия. Другие подобные мнения можно отвергнуть, сославшись на влияние все более живого, отслеживающего каждый момент отчета о недавних случаях борьбы, особенно средствами телевидения.

Однако, наряду с признанием этих факторов, все же представляется, что происходит расширение сферы распространения, масштаба и значимости применения ненасильственной борьбы почти по всему миру. Например, на конференции, организованной Институтом Альберта Эйнштейна в октябре 1987 г. для изучения вопроса о том, насколько этот процесс в действительности имеет место, доктор Христофер Крюглер на базе предварительной оценки высказал мнение, что 25% идентифицированных случаев ненасильственной борьбы в двадцатом веке произошло после 1980 г. Он также заявил: "... Представляется, что увеличивается степень целенаправленности этих случаев"³. Вопрос о том, является ли эта цифра слишком высокой или слишком низкой, не должен затмить общее понимание того, что применение ненасильственной борьбы, часто называемой также "народной мощью", имело драматический рост в последние годы. В 1987 г. это представлялось соблазнительной и свежей гипотезой, недостаточно обоснованной. Сегодня, в 1989 г., однако, это является впечатлением многих людей по всему миру, представляющие многие области жизни.

После 1970 г. значительные ненасильственные действия произошли по крайней мере в следующих странах: Австралии, Тайланде, Бирме, Китае, Японии, Южной Корее, Индии, Пакистане, Судане, Южной Африке, Марокко, на оккупированных Израилем палестинских территориях, в Иране, Мексике, Новой Каледонии, Аргентине, Чили, Бразилии, Соединенных Штатах, Польше, Восточной Германии, Западной Германии, Норвегии, Франции, Алжире, Советском Союзе /включая Латвию, Литву,

Эстонию, Москву, Армению, Молдавию, шахтерские районы на Украине и Урале, а также Грузию/, на Филиппинах, в Панаме, Югославии, Боливии, на Гаити, в Ирландии и Никарагуа.

Очевидно, что некоторые из последних и текущих случаев еще не завершились, но другие уже произвели драматические изменения, даже свергая устоявшиеся режимы, такие, например, как режимы Шаха или Маркоса. Но во всех этих ненасильственных вызовах воздействие этого приема было мощным. Мировые события самого последнего времени нельзя даже описать, а тем более понять, не уделив внимания роли ненасильственной борьбы. Понимание этого приема, следовательно, является предпосылкой понимания многих явлений современной мировой политики.

Потенциальное значение роста ненасильственной борьбы

Некоторым может показаться преждевременной признание значимости таких перемен или даже стремление познать причину перемен, происходящих с явным ускорением. Однако, основываясь на фактах истории, характеристиках и динамике развития этого приема, можно высказать некоторые соображения относительно исторической значимости роста ненасильственной борьбы в период, когда близится конец века.

1. Существует вероятность того, что очевидная тенденция может быть приостановлена на время или даже обращена вспять. Рост практики ненасильственной борьбы часто опережает меру и глубину знаний об их динамике и требованиях. Люди могут ожидать, что успех придет гораздо быстрее, чем он вероятен в определенных ситуациях, либо придет с весьма малыми потерями, и, следовательно, с ним можно будет не считаться, если сильный режим не исчезнет в течение недель или месяцев, или если убитых будет сотни или тысячи. В дополнение к этому, в большинстве случаев ненасильственной борьбы, как представляется, имеются недостаточные стратегические проработки и планирование, для данного приема столь же важные, как и для обычной вооруженной борьбы.

Отсутствие стратегического планирования и фальшивые ожидания увеличат шансы провалов или приведут лишь к час-

тичному успеху /который может казаться провалом/ ненасильственной борьбы. Если серия таких подлинных или видимых провалов происходит последовательно, то блеск народной мощи может потускнеть. Многим, в частности определенным идеологически ориентированным политическим группам будет легко утверждать, что попытка обеспечить победу ненасильственными методами провалилась и по самой своей природе она обречена. И выводом будет то, что реализм и ответственность требуют возврата к насилию. Это может привести к возрождению партизанской войны и терроризма.

Оппонентам, которых смущает рост и сила ненасильственной борьбы, следует признать, что если сторонники ненасильственных действий откажутся от своей стратегии, альтернативой не всегда будет пассивное подчинение массы, а чаще — переход к политическому насилию. Усилят ли значительно возросшие потери от партизанской войны использование насильственных средств, или это заставит людей вновь прийти к мысли, что в сравнении с насильственными вариантами у ненасильственной борьбы имеются огромные преимущества и мощь, — это будет зависеть от обстоятельств. В обоих случаях такой период может оказаться очень болезненным и продолжительным.

2. Произойдет такой возврат к насилию или нет, но нынешнее распространение применения ненасильственной борьбы непременно будет иметь глубокие и продолжительные последствия во всех политических системах. Глубина этих долгосрочных результатов будет зависеть от меры стратегической мудрости в использовании этого приема. Как говорится, невозможно навсегда вернуть джина обратно в бутылку, раз он был уже однажды выпущен. Иными словами, население всего мира узнало, что даже имея дело с тираническими правительствами, террористическими режимами и с системами социального угнетения, оно не беззащитно, но скорее имеет огромный потенциал мощи, который, с трудностями и издержками, оно может активно мобилизовать для выработки собст-

венного будущего и преодоления препятствий со стороны доминирующих сил. Такое знание нелегко уничтожить.

Таким образом, вместо пассивного подчинения либо попыток получить контроль над государственным аппаратом, чтобы освободиться от гнета и добиться решения социальных проблем, люди, посредством ненасильственной борьбы, получают все большие возможности для противодействия господствующим силам и для их обуздания. Это откроет путь к конструктивным попыткам построения, на менее централизованной и элитарной основе, более свободных и справедливых обществ. Социальная справедливость, политическая свобода и ограничение насилия с политическими целями могут, таким образом, соединиться в новой парадигме⁴ социальных и политических систем.

3. Как вновь и вновь демонстрирует ненасильственная борьба, диктатурам внутренне присуща слабость. Ненасильственная борьба практиковалась при нацистском режиме в Германии и оккупированных странах. Это практиковалось также и при сталинском правлении в Советском Союзе, например, в трудовом лагере в Воркуте в 1953 г. вскоре после смерти Сталина. Народная власть свергла диктатуру Маркоса на Филиппинах и успешно вытеснила коммунистическое авторитарное правление в Польше.

Слабость диктатур и их уязвимость перед ненасильственной борьбой почти не привлекали внимания ученых или политиков. Мало кто из них отмечал то, о чем давно Аристотель писал в "Политике", а именно - что диктатуры были наиболее недолговечными из существовавших политических систем.

Выявление этих слабостей, более широкое и глубокое познание ненасильственной борьбы и особое внимание к практическим задачам как предотвращения прихода к власти диктатур /например, защиты от попыток совершения военных переворотов/, так и свержения уже существующих жестоких диктатур, - все это в совокупности откроет возможности, чтобы положить конец диктатуре как жизнеспособной политической системе.

4. Так как опасность внешней агрессии и внутренних переворотов со стороны возможных диктаторов едва ли исчезнет, потребность в средствах сдерживания и защиты против внешних и внутренних нападений сохранится долгое время. Однако это не означает, что военные средства являются единственным или даже наиболее действенным способом обеспечения такого сдерживания и обороноспособности.

Рост ненасильственной борьбы по всему миру и повторяющиеся демонстрации ее способности обеспечивать победу в борьбе против систем угнетения и хорошо вооруженных диктатур, вероятно, дадут возрастающий импульс рассмотрению и подготовке к гражданской обороне. Это является подготавливаемым применением планируемого ненасильственного отказа от сотрудничества и открытого неповиновения для защиты против внутренних узурпаторов и внешней агрессии. В качестве целей будет предотвращение возможности консолидации политического контроля, отказ от поддержки намерений тех, кто атакует конституционный строй, разложение личного состава /полиции, военных отрядов, функционеров и т.п./, используемого противниками строя, чтобы навязывать свою волю этому обществу⁵.

В течение некоторого времени эти политика находилась на стадии концептуального развития, и компоненты ненасильственного сопротивления, в очень скромных размерах, уже существуют в официальной политике Швейцарии, Австрии, Югославии и, с недавнего времени, Швеции. Интерес к потенциалу этой политики медленно, но неуклонно возрастал. Как целостная политика, она могла бы дать вариант обороны для таких стран, как Германия или Польша, которые могут желать или нуждаться в полагающейся на себя оборонной политике, которая в то же время не представляла бы военной угрозы другим странам. К тому же такая политика потенциально является единственной защитой против военных или полувоенных государственных переворотов. Так как многие общества были и остаются уязвимыми перед такого рода опасностями, интерес к гражданской обороне может стремительно возрасти

вместе с развитием ее потенциала и ростом понимания ее значения в этом плане. Рост ненасильственной борьбы для различных целей может внести вклад в углубление этого интереса к гражданской обороне.

5. Эти различные изменения, взятые вместе, могут привести к фундаментальным политическим и международным сдвигам такого характера, какие очень редко происходят в истории. Растущее восприятие и применение ненасильственной борьбы, осознание своей силы всем населением, развитие способности предотвращать установление диктатур и разрушать существующие диктатуры, и принятие первых скромных компонент гражданской обороны /и в дальнейшем переход в вооружении к интегрированной полной политике гражданской обороны/ сделают мир политики и международных отношений совсем иным. Его можно будет, вероятно, охарактеризовать: большей децентрализацией /в противоположность мощным тенденциям последних десятилетий/; большей социальной справедливостью и политической демократией; большей способностью народов определять собственное будущее без господства мультнациональных корпораций или политических империй; более мирными международными отношениями; распадом военных союзов, так как отдельные страны, даже очень маленькие, получают посредством гражданской обороны способность защищать собственную свободу и суверенитет в отсутствии потенциала нападения на другие страны.

Так как тип санкций, на которые полагается общество, является одной из наиболее мощных сил, определяющих природу политических обществ⁶, то переход от опоры на насилие к ненасильственным санкциям драматически изменит основы взаимоотношений правительств и их граждан, с одной стороны, и государств, с другой. Такой переход может превратить вышеописанные условия в реалистичные варианты на ближайшие годы и десятилетия.

Настоящее обсуждение не было нацелено на исчерпывающую оценку значимости роста ненасильственной борьбы за последние годы. Скорее оно было направлено на то, чтобы

стимулировать рассмотрение с различных точек зрения развития за последние десятилетия, на постановку новых вопросов, на отклик критиков и на стимулирование новых исследований и анализа. Такая деятельность может быть весьма полезной, позволяя нам понять более глубоко состояние человечества в настоящий момент истории, оценить варианты, выбор которых зависит от нашего желания ответственно и гуманистично строить собственное будущее.

Примечания

- 1 Эта работа была подготовлена для "круглого стола" по общим проблемам и тенденциям истории двадцатого столетия, с упором на международные отношения, организованного Институтом всеобщей истории Академии наук СССР в Москве 21-23 ноября 1989 г. Запрещено воспроизводить в какой-либо форме эту работу без письменного разрешения автора, Институт Альберта Эйнштейна, 1430 Массачусетс Авеню, Кембридж, Массачусетс 02138, США. Я глубоко признателен Брусу Дженкинсу из Института Альберта Эйнштейна за помощь в подготовке настоящей работы.
- 2 Для более подробного изучения природы ненасильственной борьбы см. Gene Sharp, *The Politics of Nonviolent Action*. 902 pp. Boston: Portor Sargent Publisher, 1973.
- 3 Доктор Крюглер является заместителем руководителя программы "Ненасильственные санкции" Центра по международным отношениям при Гарвардском университете. Конференция на тему "Ненасильственные санкции: Взгляд в будущее" состоялась в Рокпорте, штат Массачусетс, 18-20 октября 1987 г.
- 4 See Gene Sharp, "Popular Empowerment", in Social Power and Political Freedom, pp.309-378. Boston: Porter Sargent Publishers, 1980.
- 5 С гражданской обороне см. в числе прочего: Anders Boserup and Andrew Mack, War Without Weapons, New York: Schocken, 1975, and London: Francis Pinter, 1974; Adam Roberts, editor, Civilian Resistance as a National Defense. Harrisburg, Pa.: Stackpole Books, 1968. English edition, The

Strategy of Civilian Defence. London: Faber, 1967; Gene Sharp, Making Europe Unconquerable: The Potential of Civilian-based Deterrence and Defence. London: Taylor and Francis, 1985, and Cambridge, Massachusetts: Ballinger Publishers, 1985. Second American edition, with a Foreword by George Kennan, Cambridge, Massachusetts: Ballinger, 1986; Gene Sharp, National Security Through Civilian-Based Defense. Omaha, Nebraska: Association for Transarmament Studies (now the Civilian-based Defense Association), 1985; and Gene Sharp, Post-Military Defence. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, in press.

- 6 Об этом анализе см. Gene Sharp, "The Social Imperative", in Social Power and Political Freedom, pp.285-308.